

Шире дорою новаторству в технике!

Акад. В. ОБРУЧЕВ
Мысли
В НОВОМ ГОДУ

В № 99 «Литературной газеты» от 11 декабря 1948 года была опубликована статья члена-корреспондента Академии наук СССР В. Чуханова «Шире дорою новаторству в технике». Статья вызвала многочисленные отзывы деятелей советской науки, техники, ин-

ректоров предприятий, работников научно-исследовательских институтов, заводских лабораторий, конструкторов и др. Статьи академика А. Винтера и директора московского крекингового завода С. Лисичкина мы открываем обсуждение предложений В. Чуханова.

Акад. А. ВИНТЕР

Путь к новому

Говоря о новой технике, мы имеем в виду научные и исследовательские работы, внедрение которых приводит к интенсификации производственных процессов, их автоматизации, к повышению коэффициента полезного действия отдельных агрегатов, росту производительности труда рабочих целого предприятия, отдельной отрасли промышленности.

Мы обязаны приложить все силы научных и конструкторских коллективов, чтобы рационально использовать силы природы. Я считаю, что буду весьма далека от преувеличения, если высказываю следующие мысли: большинство научно-исследовательских институтов Академии наук СССР, а также большинство научно-исследовательских институтов промышленности весьма плодотворно и достаточно успешно работают над созданием новых, более совершенных схем и конструкций.

Но как же внедряются эти работы в жизнь?

Чтобы не быть голословным и не ссылаться на бесчисленные жалобы по поводу сложности внедрения нового, я ограничусь только практикой, мне лично доподлинно известной и касающейся академических научно-исследовательских институтов.

В системе академических учреждений нет специального завода для изготовления опытных промышленных образцов. Мастерские институтов обычно оборудованы далеко не совершенно. Они с трудом справляются с ремонтом лабораторной аппаратуры и, конечно, не в состоянии выполнять более сложные и трудоемкие работы. Естественно, что при таких условиях институты Академии наук вынуждены обращаться за помощью и содействием в различные министерства, отдельные научно-исследовательские промышленные институты и т. д.

Там им приходится выступать в качестве просителей, даже в тех случаях, когда имеется специальное решение вышестоящих организаций об изготовлении машины, прибора, технологической схемы, а подчас даже и тогда, когда та или иная работа признана важной и удостоена Сталинской премии.

Незадуманное положение «просителей» усугубляется тем, что у них слабо и в ряде нет необходимых материальных средств: сырья, специальных сталей и других материалов. Совокупность всех этих факторов приводит к длительной перепалке и взаимным притиркам. В результате то, что можно было бы сделать за несколько месяцев, затягивается на годы.

Подобно этому в этом, однако, министерства и заводы, видимо, нельзя, ибо для них задания по внедрению новой техники, предъявляемые академическими институтами, являются почти всегда неожиданными, непредусмотренными производственными планами. Вот почему работы эти и откладываются на последнюю очередь, а зачастую и не выполняются вовсе.

Наибольшее зло заключается в том, что исполнитель, стремясь отделаться от «каво-вонких» заказчиков, предъявляет институтам такие требования, которые в practice, как правило, назвать нельзя. Я прекрасно понимаю всю ответственность за те тяжелые обвинения, которые мною высказаны, и потому не могу ограничиться одним лишь упоминанием о том, что такие факты возможны. Я приведу и самые факты.

Около двух лет тому назад одним из сотрудников Энергетического института Ака-

демии наук была разработана усовершенствованная схема важного аппарата, который имеет большое значение для многих научных исследований в области физики, механики, электротехники и удостоен Сталинской премии. Первый экземпляр нового аппарата был собран средствами заводской лаборатории и успешно функционировал. Я лично докладывал о значении и важности этой работы в правительственных инстанциях, после чего было задано специальное распоряжение, где указывалось, что такой-то завод должен изготовить два опытных образца прибора, а затем партию в 100 или 200 таких приборов. Но прошел уже целый год после описанных событий, а дело не движется. Почему?

Вначале наши неоднократные запросы о ходе работ по изготовлению образцов вообще оставались без ответа. А месяца три назад нами было получено письмо, краткая сущность которого сводится к следующему требованию: Энергетический институт должен почему-то выдать заказ на изготовление двух образцов, словно распоряжение вышних инстанций не есть поручение заводу. Стоимость двух приборов определена была в этом письме в 300 тысяч рублей, причем, очевидно, для большей убедительности, в эту сумму включены 20.000 рублей, которые должны быть почему-то уплачены «за передачу изготовленным образцам» (!).

Я воздержусь от комментариев по этому поводу. Укажу лишь, что по моему распоряжению в лаборатории Энергетического института рядовыми мастерами был построен кустарным способом в неурочное время вполне доброкачественный образец прибора, который обошелся всего... в 20 тысяч рублей, считая в том числе и премию в 5 тысяч рублей! Назначение цены в полтора раза превышает за каждый экземпляр прибора является, по меньшей мере, недопустимым самоуправством со стороны специализированного предприятия и, естественно, авторское изобретение поощряется в practice, лишь многие научные учреждения возможности воспользоваться плодами новой техники.

В этом же году был удостоен Сталинской премии ветродвигатель, имеющий важное значение для энергооборужения сельского хозяйства. Несмотря на то, что существуют готовые рабочие чертежи этой машины, сделаны все расчеты, наконец, изготовлено даже несколько таких машин, — ничего к серийному производству привлечь не удалось.

В последнее время конструкторы звели некоторые улучшения в преаморбонный тип машины. Техническая экспертиза одобрила эти изменения. Но когда мы на одном из московских заводов попробовали заказать образец нового ветродвигателя, то ответ был получен такой: строить одну машину невыгодно, завод, мол, согласен принять заказ только на две одинаковые машины, причем оплатив их — не много, но мало — чуть ли не в миллион рублей.

Использование энергии ветра я занимаюсь уже много лет и встречался со многими крупными теоретиками и конструкторами этих машин. Все наши подходы неизменно приводили к тому, что их стоимость может быть во много-много раз меньше. Почему же завод устанавливает заведомо завышенную цену? Из каких расчетов исходит он?

Член-корреспондент Академии наук В. Чуханов в статье «Шире дорою новатор-

ству в технике» («Литературная газета» № 99) предлагает идти по пути создания мощной производственной базы для академических институтов. Сейчас едва ли уместно видеть в этом выход из положения; такая база может развиться в отрожке, громоздкое, многообразное машиностроительное и приборостроительное предприятие. По моему мнению, необходимо для начала базироваться на существующих предприятиях, создав, однако, там наиболее благоприятные условия для внедрения новой техники.

Что для этого нужно сделать? Государственная организация по внедрению новой техники в народное хозяйство должна стать в полной мере руководящим, оперативным ответственным органом в борьбе за высокие темпы внедрения этой новой техники. При этой организации необходимо создать ученых или технических совет с секциями по отдельным специальностям. Членами такого совета должны быть квалифицированные и компетентные ученые, профессора, инженеры и т. д.

Предложения, рассмотренные и утвержденные учеными советами институтов или технических советами министерств, поступают на окончательное рассмотрение в эти секции со всей документацией. Ни одно предложение по внедрению новой техники не может быть передано промышленности без прямого формального предписания государственной организации по внедрению новой техники. В ее же распоряжении находятся все денежные средства, необходимые для покрытия расходов по внедрению новой техники, в том числе и расходы по командировкам авторов изобретений, конструкторов, консультантов на предприятия, осваивающие новую технику.

Государственная организация по внедрению новой техники должна осуществлять фактический контроль за реализацией данных ею предприятиям заданий, а также по использованию отпущенных ей средств. Авторы открытий и изобретений, научные работники, участвовавшие в его разработке, должны непосредственно наблюдать за ходом работы, не вмешиваясь, конечно, в административные распоряжения заводского руководства.

Темпы внедрения новой техники зависят во многом от предприятий и министерств, осуществляющих первую промышленную конструкцию. Поэтому следует более четко определить их ответственность за это дело и всемерно поощрять заводы и министерства за внедрение новой техники. В производственных годовых планах предприятий и отраслей промышленности необходимо предусматривать особый план внедрения новой техники. Невыполнение этого плана должно рассматриваться, как срыв государственного задания. При любых высоких показателях работы предприятий по выпуску основной продукции невыполнение задания по освоению новой техники должно лишать предприятие права быть премированным. Труд инженеров, мастеров, техников и рабочих, участвующих в реализации нового предложения, подлежит, по моему мнению, повышенной оплате, а в случае досрочного и успешного выполнения задания — особому премированию.

Таковы мои предложения в связи с опубликованием в «Литературной газете» статьи «Шире дорою новаторству в технике».

С. ЛИСИЧКИН,
директор московского крекингового завода

Не «сами по себе», а в союзе с жизнью

В наших научно-исследовательских институтах успешно разрабатывается много интересных новшеств, изобретений, усовершенствований, но путь их от лабораторий до производства, как правильно указывает В. Чуханов в своей статье в «Литературной газете», чрезвычайно сложен. В чем тут причина?

Исследовательские институты Академии наук СССР, институты крупных промышленных министерств сплошь и рядом не имеют своей экспериментальной базы. В таких условиях вопрос о полиуромышленных испытаниях новых конструкций и новых технологических процессов вырастает в сложную проблему. Институты, лишены необходимой экспериментальной базы, являются по сути дела лишь большими лабораториями. Своим же названиями они не оправдывают. В то же время некоторые промышленные министерства, проявляя всеобщее внимание к своим производственным объектам, мало заботятся о развитии науки, совсем не заботятся о развитии опытных баз, исследовательских институтов.

Опыт показал, что особенно успешно решаются вопросы внедрения новой техники на научно-исследовательские институты, которые базируются на деятельности родственных заводов и представляют по сути дела новую комбинационную форму завода—научно-исследовательского института. К сожалению, некоторые министерства до сих пор почему-то не имеют таких заводов-институтов, а потому и неудивительно, что внедрение новшеств происходит так медленно. Пора поставить вопрос о том, чтобы каждое министерство имело несколько заводов-институтов, чтобы и там велась исследовательская работа — начиная от лабораторных опытов и вплоть до промышленного освоения того или иного новшества.

Пора министерствам планировать внедрение новых технологических процессов, уже апробированных и вышедших из стадии полупромышленных экспериментов, наравне с производством основной продукции. К тем частностям показателями, на основе которых оценивается работа предприятий в целом, следует добавить и показатели внедрения технических новшеств.

Выполнение и перевыполнение производственных планов какими-либо главным управлением министерства — несомненно большое достижение, но если этим главным одновременно ничего не сделано в области реализации технических новшеств, если люди не проявили заботы о завтрашнем дне своей отрасли, то это следует считать серьезным недостатком в работе и поставить главному в минус.

Сейчас, к сожалению, всякая «мелочь», необходимая для исследовательских институтов, изготавливается заводами вне плана и лишь при особых указаниях со стороны руководства того или иного министерства. Выполнение таких заказов подчас недопустимо задерживается. Пора изменить эту порочную практику! Заводы должны нести полную меру ответственности за выполнение заказов научных институтов, такую же, как за выпуск основной продукции.

Не менее остро стоит вопрос о проектировании технических новшеств. Во многих отраслях проектные организации чудовищно распылены, они растягивают заданную работу на длительные сроки. Небольших размеров теплоэлектротехнический для московского крекингового завода проектировался, например, в продолжение... трех лет. За это

сроки техника провинулась далеко вперед, а проектировщики топтались на месте. Необходимо создать при каждом министерстве солидные проектные организации, работа которых должна тесно увязываться с научно-исследовательскими институтами и заводскими лабораториями.

Мне кажется, что у некоторых институтов Академии наук СССР нет связи с производством. Они оторваны от жизни промышленных предприятий и существуют «сами по себе». Московский крекинговый завод — крупное предприятие — в течение многих лет упорно работает над одной проблемой. Мы добились некоторых успехов в ее разрешении. Разрабатывая новую схему, мы, однако, узнали, что отраслевой научно-исследовательский институт также работает над решением этой задачи. Мало этого, — оказалось, что его же занимается Институт нефти Академии наук СССР. И все мы работаем «сами по себе». Институт Академии наук нам ни в чем не помогает, с нашим заводом связи не имеет. И судя по тому, что ученый совет института при обсуждении тематических планов не приглашает наших заводских работников, можно предположить, что работники института и вперед не собираются сократить то почтительное расстояние, которое отделяет их сегодня от завода.

Мне думается, что институты Академии наук должны иметь связь с соответствующими промышленными предприятиями. В состав ученых советов отраслевых научно-исследовательских институтов и институтов Академии наук необходимо вводить работников предприятий.

Член-корреспондент Академии наук СССР З. Чуханов (см. его статью в «Литературной газете» № 99) не прав, предлагая почитать исследовательские институты Академии наук СССР. Это привело бы к снижению ответственности министерства за внедрение новой техники и производство.

В заключение мне хочется остановиться на одном практическом вопросе, имеющем важное значение для внедрения новшеств. Речь идет об освоении новых технологических процессов на предприятии. Практически трудно предположить, чтобы данная новая установка сразу заработала по новой технологической схеме с первых же дней безукоризненно. Всегда требуется некоторое время на наладку. А планирующие организации сплошь и рядом не считают с этим и с первых же дней планируют получение товарной продукции в полном объеме.

При такой системе мы не получаем в свое распоряжение времени, необходимого для подкисания оптимального варианта нового технологического режима. Подобный случай произошел в минувшем году на московском крекинговом заводе. Организацию, стоящую над нами, не хотели учесть возмущение еще не освоенного процесса и настаивали на том, чтобы сразу же от новой установки была получена максимальная польза. Завод настойчиво проводил испытания сданной в эксплуатацию новой установки, и в результате пришлось внести свыше двадцати пяти поправок и изменений. Эта работа окулила себя, и установка, благодаря внесенным изменениям, работает теперь выше проектной мощности.

Минимальный срок пускового периода, особенно для новых технологических процессов, внедряющихся в жизнь, должен планироваться заранее. Завод должен иметь и время и возможности, чтобы добиться максимальной пользы от нового в технике!

Монументы и постаменты

Древнейший и вечно юный город — Москва — породил, воспитал и прославил многих великих людей нашего отечества, чьи труды являются гордостью всего человечества, чья деятельность озарила путь многим тысячам борцов за правду, за прогресс, за свободу, за социализм, чьи имена живут в сознании нашего народа и народов всего мира сотни лет и будут жить вечно.

Правительство вынесло ряд постановлений о сооружении памятников великим людям нашей страны. Более пятидесяти дорогих советскому человеку имен наших соотечественников должны быть увековечены в мраморе, в бронзе, в граните, памятники им установлены на площадях столицы.

4 февраля 1936 года Советское Правительство вынесло решение об установлении в Москве памятников Добродюбу и Чернышевскому. Уже двенадцать лет ведется проектирование памятников; оно должно было закончиться в 1947 году и не закончено, насколько мне известно, до сих пор. Тогда же правительство СССР решило воздвигнуть в Москве памятник Белинскому. Лип в 1946 году (через десять лет!) был объявлен закрытый конкурс. Срок конкурса был установлен годичный. Начался 1949 год, а принятой модели памятника Белинскому нет.

19 июля 1936 года Советское Правительство вынесло решение о памятнике Челюскину Державскому. Проектные работы тянулись авиационно лет. Теперь решено... в 1949 году объявить закрытый конкурс!

2 сентября 1938 года было вынесено решение о сооружении памятника основателю МХАТ К. С. Станиславскому. Проект, представленный скульптором Гавриловым, отвергнут, а о продолжении проектирования пока еще нет и разговоров.

В прошлом году должны были быть сооружены памятники А. П. Чехову и А. Н. Толстому. О памятнике А. П. Чехову правительственное решение было вынесено в начале 1944 года, о памятнике А. Н. Толстому — год спустя. Фигура Чехова, сказали мне, будет отливаться из бронзы. Проект памятника А. Толстому, сказали мне, уже выполнен скульптором Мотовиловым. Но монумент злет постамент!

Восьмь лет тянется проектирование памятника Маяковскому, семь лет — Лермонтову, четыре года — Репину, три года — Грибодову.

Работа над памятником В. Чапаеву продолжается десять лет. Скульптор Н. А. Менделеевич сделал проект. Отлили фигуру... И не поставили до сих пор. Почему? Потому что, отвечают мне, произошла задержка в постройке постамента. Но почему произошла эта задержка?

История эта длинная, она полна возмущительной медлительности, равнодушия, а подчас прямого бюрократизма и междуведомственных склок.

Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР, на который возложены все задачи — проектирование и утверждение проектов памятников, никогда не проявлял склонности торопиться с этим важным и общественным делом. Скажем, решения правительства об установке памятников Державскому и Куйбышеву были опубликованы в 1935 и 1936 годах. И только в 1941 году Комитет по делам искусств дал указание начать проектиро-

вание. Конкурсы, как правило, объявлялись закрытыми, вернее, заказными, в которых участвуют всего лишь 5—10 мастеров-скульпторов. В результате у каждого скульптора накапливается по 3—5 заказов. Ясно, что под тем проектами одновременно работать невозможно, а если и приходится работать, то за счет качества, за счет идеи памятника, который воздвигается на столетия.

Комитет по делам искусств почему-то избегает открытые творческие конкурсы, хотя открытые конкурсы иногда дают хорошие результаты. Так было, например, с проектом памятника С. М. Кирову в Ленинграде, когда получил первую премию и был утвержден проект молодого, до того малоизвестного автора. А недавно получила первые премии молодые скульпторы в конкурсе на тему — «Ленин и Сталин — вожди советского государства».

Комитет по делам искусств обязан использовать все возможности, практиковать и открытые и закрытые конкурсы, привлекая и воспитывая наиболее способные молодые силы.

...Но вот проект памятника, наконец, изготовлен. Начинается второй тур волевого и бюрократического.

Проект надо утвердить. И снова начинается печальная история. Проект просматривается художественным советом Комитета по делам искусств... Председатель художественного совета (он же и председатель Комитета по делам искусств), выслушав замечания и мнения членов совета, должен провозгласить свое решение: «Легко сказать — провозгласить решение слово! Зачем рисковать? Зачем опережать время? Подождем — увидим...»

И ждали годами, боясь сказать свое слово, определять свое отношение к проекту.

Однако я был бы неправ, возлагая всю ответственность за возмущительные отношения к установлению памятников только на Комитет по делам искусств.

В Художественный совет Комитета по делам искусств, когда там рассматривается проект, обычно являются два члена Архитектурного совета — Чернышев и Гельфрейх. Они уполномочены главным архитектором Москвы Т. Чуевым определять отношение Моссовета к тому или иному проекту с точки зрения общего плана реконструкции столицы. Но, как правило, Т. Чуевин никогда не соглашается даже с первоначальным решением Художественного совета Комитета по делам искусств. Более того, Т. Чуевин с большой охотой знакомит авторов проектов с генеральным планом реконструкции Москвы, не указывая места, где будет поставлен тот или другой памятник, и, естественно, связывая творческую мысль скульптора, принужденного работать без представления в том ансамбле зданий, на фоне которых должны стоять памятники. От участия в заседаниях Художественного совета сам Т. Чуевин упорно отказывается...

И вот результаты. Художественный совет утвердил проект памятника Чкалову. Председатель Комитета по делам искусств решил и тоже утвердил проект. Правительство также одобрило его, предложило закончить отливку фигуры в июне 1948 года и обязало Министерство авиационной промышленности 1 октября этого же года памятник поставить.

Но тут вмешался Т. Чуевин. Ему не понравился постамент, проект которого в свое время он не пожелал рассматривать. Он запретил установку памятника, а Министерство авиационной промышленности не решилось помириться с решением правительства СССР, а решению главного архитектора Москвы...

со строительными организациями. В каком же положении находится дело с памятниками в Моссовете? Начальник дорожно-мостового управления Моссовета отказался информировать нас о том, что происходит вокруг открытия памятника А. Толстому. Мы выяснили это сами. Вот что мы узнали: фигура А. Толстого, отлитая в бронзе, давно прибыла с завода и ждет своего места на городской площадке.

В 1947 году Московский совет по охране памятников. Постановлением Моссовета пролегло без всякого движения три месяца. Затем оно перекочевало в управление строительства театров, которое заключило договор на установку памятника с управлением строительства Дворца Советов. Строительство Дворца Советов приступило к заготовке материалов, к шлифовке плит и блоков... Но деньги, ассигнованные на строительство памятника, не были вовремя переведены и в конце 1947 года были списаны как неиспользованные. Работы прекратились. В прошлом году потребовалось вторичное ассигнование средств, строительство же памятника было поручено Управлению дорожно-мостового строительства.

Казалось бы, чего проще — продолжать начатую строительство Дворца Советов работу и довести ее до конца! Но тут завязывается междуведомственный торг, и дорожно-мостовое управление Моссовета начинает все сначала... Не пора ли ликвидировать тот разрыв, который образовался между проектирующими организациями и строительными? Не пора ли подумать о том, чтобы дело по сооружению памятников от начала до конца передать в руки одного из рук Комитета по делам искусств при Совете Министров или в руки Московского совета? Не пора ли позаботиться о том, чтобы памятники тем, кто назван в правительственных решениях, украсили площади столицы!

Николай ВИРТА

Один из крупнейших советских романистов, Константин Федин закончил свой новый большой роман «Необыкновенное лето»...

Этот роман о девятнадцатом годе... «...это была... высшая точка напряжения в борьбе Советов с контрреволюцией на фронтах гражданской войны»...

В это «необыкновенное лето» определялись окончательно, вместе с судьбой страны и революции, судьбы и дороги всех этих разных людей. На старой военной карте девятнадцатого года — среди флажков, красных и синих скобов, орудий и стрел...

Три года назад, когда были напечатаны «Первые радости», некоторые критики говорили, что Федин ушел в прошлое и повторяет пройденное. Незадолго до этого судьи теперь очевидно. «Первые радости» были необходимым подступом к «Необыкновенному лету»...

Перед нами — Кирилл Извеков, выросший, возмужавший, прошедший школу революции, новый хозяин жизни. И вот Кирилл в Дибич сидит друг про друга в кабинете Кирилла — секретаря горисполкома. Оказывается, они — старые знакомые. В 1916 году на германском фронте поручик Дибич послал в опасную разведку — почти на смерть — рядового Ломова...

Их «разговор продолжается» через три года, продолжается до тех пор, пока Кирилл Извеков — никак не в наказание, а, напротив, желая доставить Дибичу радость свидания с матерью, — посылает его на смерть. Дибич гибнет — и это случается у Федина. Дибич — не посылать по воле начала, новой жизни, он лишь солдат, прямолинейный и честный, готовый отдать жизнь за других. Но так легко ему свернуть с большой военной дороги на ту окопную тихую тропу, которая ведет к старому родному дому, где на стене — портрет сестры, похожей на Асю Пастухову...

В «Необыкновенном лету» К. Федина показана себя подлинным мастером композиции. Все части, все главы романа, все события, все судьбы, все мыслы так крепко связаны друг с другом, так спаяны в одно целое, что ничего нельзя вынуть, не повредив, не нарушив произведения. Роман удивительно хорошо написан. Откроешь паутку любую страницу, — и хочется ширяться.

Вот у Обоимшиных, как у юриста, — «своишнее правосознание». Вот Аночка на сцене, играя перед красноармейцами несчастную Луизу Миллер, не чувствует себя одинокой: «Солдат революции, искавший правду жизни повсюду, становясь зрителем, требовал правды и от театра. Он находил частичку этой правды в беззащитной девушке, и чем возмущеннее казалась ему страдания Луизы, тем искреннее готов он был протянуть ей руку защиты»...

По «Необыкновенному лету» можно учиться мастерству прозы. Когда читатель последние страницы этого романа, вспоминает слова Гюгюла: «Взгудело видно далеко во все концы света...» Слово с горы, с высоты тридцатипятилетней эпохи смотрит на пройденный путь и в удивительной ясности видит истоки той новой жизни, которая кажется нам сейчас единственно возможной.

Такой страстный интерес к миру был у десятилетней Аночки, когда она впервые появилась на страницах «Первых радостей». В «Необыкновенном лету» Аночка уже взрослая, но интерес этот не угас в ней, и он-то и есть первый признак таланта, тот живой неуемный огонь, который горит и светится в ней. Он и отличает ее от Луизы, более красивой, но равно погасшей и отсутствующей в тени, в прошлом, уступившей Аночке место в первом ряду жизни и в романе — рядом с Кириллом. Любовь Кирилла и Аночки — почти символ единства искусства с жизнью, неразделимости их.

К. Федина. «Необыкновенное лето». «Новый мир», № 1, 5, 9, 12 1947 г. и № 4, 10 1948 г.

Действие романа начинается с того, как бывший царский офицер, поручик Дибич, возвратившись в свои родные места из германского плена весной девятнадцатого года, в разбитую дверь телушки видит две России: одну — привычную, старую, — лес, поля, черные деревушки, бабу с пригнутой борной, низеньких вепоридистых крестьянских коровенок, мальчишек в отцовских военных длинных шинелях; и другую — на станциях, в солдатских разговорах и спорах, в песнях красноармейцев, направляющихся на ближний фронт, в ожесточенном и радостном недоверии к офицерам, к старому начальству, даже к самому «отменному богу». Кончается же роман, как мы уже говорили, тем, что комиссар Кирилл Извеков с восторгом входит в летнюю буденновской коннице новую могучую Россию, советскую.

Между этими двумя — такими различными — видениями лежит трудное и сложное, полное противоречий и борьбы «необыкновенное лето».

Сначала, после первых резких столкновений с новой, незнакомой и ставшей чужой родиной, автор сводит Дибича — человека, пробывшего в немецком плену, — с потенциальным эмигрантом — писателем Пастуховым и его семьей. Имешо они первые облакали его на родине, пригласили, показавшись ему своим, близкими, хорошими людьми. Намучившись в плену, сурово встреченный отчиной, испривахливо обаявший жизнью, Дибич «страстала от аварелей» Аси — жены Пастухова и мог бы свернуть на скользкую дорожку рыцаря и защитника излюбленного Асей старого порядка, столь грубо нарушенного революцией, если бы не встретился с Кириллом Извековым. Эта встреча — одно из самых сильных мест романа. Впервые мы видим здесь Кирилла — через девять лет после событий, описанных в «Первых радостях». Опыт, как тогда, лет дождь, проливной весенний дождь, и Дибич насквозь промок, пока добрался до здания испоконка. «В этот момент из парадного торжества вышел на под'езд невысокий, даже коротковатый, плотно сбитый человек со смуглым лицом, чуть покрапленным веснушками на прямом переносье, в белой русской козovorотке с откнутым краем расстегнутого ворота. Он слегка взмахнул кепкой, зажатой в руке, и привесил. — Вот это баня! — сказал он с очевидным удовольствием».

Он по-человечьи глянул туда, где полагалось быть пелу... и Дибич совсем нечаянно увидел в этом стремительном взгляде что-то такое заново-жизненное, будто небольшой этот человек ни капельки не сомневался, что от него одного зависит остановиться дождь немедленно или пригнущить его погорячее...

Цветухи несколько по-иному приспособилась к новым требованиям жизни. Привычка к переворочению на спине, умение вызвать в себе любое переживание, любую эмоцию помогают Цветухину по-новому «заиграть» в жизни: «Его подступило возмущение острое любовничества к Аночке», жалкий интерес к ее свежести, молодости, чистоте. В них он черпал вдохновение и вкус к работе, к жизни. Он собрал молодежь и стал работать с ней. Она престоудило и доверию считала его поватром, ведущим ее по непотрошаным тропам нового искусства. Только опыт первого спектакля, первый живой непосредственной связи с новыми зрителем, чутким, горчим, благодарным, и любовь к Кириллу помогли Аночке разоблачать и развешать своего спешеческого учителя. Он не годился ей в учителя жизни, в слушания.

Искусство должно служить народу, сила искусства — в его воздействии на людей, его смысл и назначение в том, чтобы, отвечая на вопросы, которые ставят жизнь, помогать переделывать ее, строить новый мир, осуществляя великие планы коммунизма.

«Необыкновенное лето» Федина, несмотря на небольшую, сравнительно, по падку действия, короткий отрезок времени, на горсточку основных героев, собранных на этой площадке и в этом времени, производит впечатление большого полотна. Это создается умением писать необыкновенно густо, насыщенно, тем новым умственным кругозором, который дается людям опытом боевого похода, — это качество К. Федина нашел в Рагозине, и мы думаем, что же можно сказать и об авторе. Обогащенный опытом революционной истории, тонким знанием жизни, владеет ярким мастерством, Федина создал выдающийся советский роман.

В «Необыкновенном лету» К. Федина показала себя подлинным мастером композиции. Все части, все главы романа, все события, все судьбы, все мыслы так крепко связаны друг с другом, так спаяны в одно целое, что ничего нельзя вынуть, не повредив, не нарушив произведения. Роман удивительно хорошо написан. Откроешь паутку любую страницу, — и хочется ширяться.

Вот у Обоимшиных, как у юриста, — «своишнее правосознание». Вот Аночка на сцене, играя перед красноармейцами несчастную Луизу Миллер, не чувствует себя одинокой: «Солдат революции, искавший правду жизни повсюду, становясь зрителем, требовал правды и от театра. Он находил частичку этой правды в беззащитной девушке, и чем возмущеннее казалась ему страдания Луизы, тем искреннее готов он был протянуть ей руку защиты»...

По «Необыкновенному лету» можно учиться мастерству прозы. Когда читатель последние страницы этого романа, вспоминает слова Гюгюла: «Взгудело видно далеко во все концы света...» Слово с горы, с высоты тридцатипятилетней эпохи смотрит на пройденный путь и в удивительной ясности видит истоки той новой жизни, которая кажется нам сейчас единственно возможной.

Такой страстный интерес к миру был у десятилетней Аночки, когда она впервые появилась на страницах «Первых радостей». В «Необыкновенном лету» Аночка уже взрослая, но интерес этот не угас в ней, и он-то и есть первый признак таланта, тот живой неуемный огонь, который горит и светится в ней. Он и отличает ее от Луизы, более красивой, но равно погасшей и отсутствующей в тени, в прошлом, уступившей Аночке место в первом ряду жизни и в романе — рядом с Кириллом. Любовь Кирилла и Аночки — почти символ единства искусства с жизнью, неразделимости их.

К. Федина. «Необыкновенное лето». «Новый мир», № 1, 5, 9, 12 1947 г. и № 4, 10 1948 г.

Великий Пушкин — один из любимых наших азербайджанским народом поэтов. Его имя в Азербайджане пользуется такой же всеобщей известностью, как имена Низами, Физули и Сабра.

Бессмертные творения Пушкина еще до революции переводили на родной язык лучшие писатели Азербайджана. По сей день классическими образцами считаются у нас некоторые переводы известного прогрессивного поэта Аббаса Сихата; они занимают почетное место в наших учебных книгах средней школы.

Пушкин уже при жизни своей был предметом дум передовой части азербайджанского общества. Наши классики — Мирза-Фатали Ахундов, Мирза-Шафи, К. Бакиханов преклонялись перед поэтическим гением Пушкина, жадно читали его стихи, ища и находя в них ответ на волновавшие их вопросы.

Любовь азербайджанского народа к Пушкину — «наро любовью» — нашла яркое отражение в знаменитой поэме Мирза-Фатали Ахундова «На смерть Пушкина», написанной в 1837 году в связи с злодейским убийством поэта.

«Знал ты Пушкина? И слышал, что он — Всех поэтов земных глава. О речах его, что всегда остры, Многократно гремела молва. И бумажный лист жалко часа ждал, Чтоб вписал он златые слова. Переглянув блеск этих дивных слов, Как павлиньими крыла снева. Его мощь шепит по Европе всей... И как лунный серп на Востоке люб, Он любимой у Севера сын. Сын семи небес, четырех стихий, Благовоный весенний крик».

(Перевел П. Антокольский)

• Ляля.

К 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина

Сейчас во всех уголках республики развернулась широкая подготовка к 150-летию со дня рождения великого поэта.

Подготовку проводит специальный юбилейный комитет — виднейшие писатели, ученые, общественные деятели. В числе мероприятий, которыми отмечается юбилей, большое место занимает издание произведений Пушкина на азербайджанском языке, а также научно-исследовательских работ по отдельным проблемам его творчества.

В 1937 году, в связи со столетием со дня смерти Пушкина, уже были изданы на азербайджанском языке его избранные произведения в трех томах. Сейчас Союз писателей и Государственное издательство республики приступили к подготовке издания полного собрания сочинений Пушкина в шести томах — под редакцией С. Вургула, М. Норагимова, Р. Раа, М. Арифа, С. Рустамза, М. Рагима и Э. Мамедханлы.

К юбилею великого поэта выйдут третий и четвертый тома шеститомника. В третий том входят: «Евгений Онегин» в прекрасном переводе С. Вургула, сделанном еще в 1936 году и выдержавшем два издания, «Борис Годунов», «Скупой рыцарь», «Модарт и Сальери», «Каменный гость», «Русалка» и другие произведения в переводах поэтов М. Рагима, Р. Раа, А. Джамаля, П. Рафибейли. В четвертый том включаются: «Дубровский», «Арап Петра Великого», «Повести Белкина», «Кавказская дочка» в переводах Э. Мамедханлы.

Сейчас в наших школах и вузах поговаривают пушкинские вечера и конференции, устраиваются доклады и лекции, организуются чтения произведений поэта. Доклады и беседы о творчестве Пушкина организуются на предприятиях и в колхозах.

Юбилей великого поэта является у нас во всенародный праздник. Эти дни еще раз продемонстрируют нерушимую дружбу наших советских народов, торжество социалистической культуры.

Декадент-утешитель

М. МЕНДЕЛЬСОН

Американская реакция, американские империалисты все более откровенно используют буржуазных литераторов в качестве своих прямых агентов. Современные реакционные писатели в США — вне зависимости от того, выступают ли они в роли хулиганов «интуитивно» и «сепаратно» рода человеческого или декларируют свою «любв» к людям, — в равной мере служат своими жалкими творениями интересам финансового капитала, фашистских кругов Америки.

Среди писателей явно декадентского склада один из виднейших мест в США занимает Уильям Сароян. Он принадлежит к своеобразной группе «декадентско-оптимистов». Если прослушать иных буржуазных критиков, то Сароян, не в пример большинству других удачливых писателей, обладает «позитивным идеалом». Разумеется, это жалкая ложь. Творчество Сарояна служит целям империалистической пропаганды.

Этот «модный» автор считается на американском литературном Олимпе знаменитым первым раба. Буржуазные газеты и журналы систематически информируют читателей о деятельности и замыслах Сарояна, без конца печатают интервью с его кумиром.

«Солидный» буржуазный критик Луис Гейнет назвал Уильяма Сарояна «единственным новым голосом» в современной американской литературе. Примерно того же мнения придерживается Джордж Хейне; рецензируя пьесы Сарояна, он заявлял, что мечту о появлении в США «свежего и оригинального драматургического таланта» теперь можно считать сбывшейся.

Пьеса Сарояна «Годы твоей жизни», поставленная самым большим нью-йоркским театром «Гальди» в конце 1939 года, была отмечена двумя крупнейшими премиями. Роман Сарояна, которому он осмелился дать название «Человеческая комедия», печатался во время второй мировой войны в журнале «Сатердей Ивнинг пост», имеющем более чем трехмиллионный тираж. «Клубы книги» распространяют по Америке произведения Сарояна в сотнях тысяч экземпляров.

Сароян впервые выступил в печати в середине тридцатых годов с мрачным рассказом, озаглавленным «Молодой человек на летней тропинке». Рассказ был написан в крайне импрессионистской, сумбурной манере и одобрен изрядной дозой лирических излияний, претендующих на многозначительность.

Формальные приемы, в какой-то мере проявившиеся в первом рассказе, Сароян сохранил и в дальнейшем. Однако он быстро перестроился на «оптимистический» лад.

Оценив политическую обстановку в Америке, Сароян решил, что открытие восприятия американской буржуазной действительности, торжества плагиата принесут ему полную поддержку правящих кругов и дадут куда больше денег.

Сароян всецело стремится внушить читателю, будто он поэт необычайного человека, любящего и веры в то, что жизнь хороша. Но не следует думать, будто он создает идиллические картины, на которых изображены чистенькие, безгрешные американцы. Сароян вполне современен в том специфическом-декадентском смысле, который вкладывается в это понятие буржуазная критика в США. Подобно большинству американских декадентов, он маскируется под демократа, которого влетит к себе жизнь горьких плетей. В его произведениях без конца фигурируют всевозможные отбросы общества, он охотно смакует всяческую грязь и извращения. Своих героев Сароян обычно показывает в виде обитателей смрадных трущоб, по существу, другой судьбы и не заслуживающих.

Основные герои пьесы Сарояна «Годы твоей жизни» — люди огуливающие, способные выхватить лишь галлюцины чувства. Однако, рисуя своих «героев» совершенно ничтожными существами, изображая их не просто «маленькими людьми», а какими-то жалкими обломками человека, «микророльными», у которых вместо мыслей в чувствобрывки сознания, Сароян непрерывно расщепляется в симпатии к ним и заявляет, что их жалко «счастья». Для декоративности этого тезиса Сароян показы-

вает в пьесе, как спавшийся богат Джо внезапно решает дать деньги жалкой проститутке Китти, что делает возможной ее свадьбу со столь же убогим женихом. Сароян выступает в роли откровенного «утешителя», убеждающего американцев в необходимости примириться с капиталистическими порядками, ибо, как бы уродлив был буржуазный мир, все в нем «идет к лучшему».

В специальном предисловии к пьесе Сароян писал: «Ищи доброту повсюду... Помни, что каждый человек похож на тебя. Нет такого человека, как вы не желали бы на себе... Препридай зло и безделье, но только не бездельных и злых людей. Их пойми».

Пьесы Сарояна — «утешаемые», примиритесь со своими утешителями» — выражены здесь елевым языком, но вполне ясно.

В других произведениях Сароян еще откровеннее выступает в качестве апологета буржуазной Америки, проповедника самых реакционных воззрений. Приблизившись к рассказам, Сароян, проповедник, он приводит примеры «доброты», проявленной тем или иным американцем, для того, чтобы немедленно сделать «художественное» обобщение: Америка — величайшая, лучшая страна на свете.

Противу самым отвратительным образом, писатель использует еврейский призыв к «любви» для прямых вылазок против американского рабочего движения.

В рассказе «Моментальная арена» упоминается о жестокой расправе полиция с забастовщиками. Но вот как Сароян характеризует переживания своего героя — участника забастовки: «Они избили его дубинкой, но он был лишен печальности. Он даже засмеялся, сказав, что это смешно — то, что избивший его человек был подло печальнее к нему. Он сказал, что этот человек — польский — был испуган. И он пожалел этого человека».

Продолжая восхвалять выдуманным идиотским героем, Сароян пишет, что забастовщик был исполнен «жадности» не только к человеку, который его ударил, но и к богатам, которые пользовались позншей и дубинками польских». Мотив жажды к богатым повторяется неоднократно, ведь «богатые иногда более несчастны, чем бедняки».

Как это случилось и с рядом других американских писателей декадентского толка (например, с Торнтоном Уайльдером и Гертугой Стайн), Сароян позднее всего раскрыв архиваришную суть своего творчества в тех произведениях, вышедших в последние годы, где ему волей-неволей пришлось коснуться вопроса об отношении к фашизму.

В 1943 году вышел в свет роман «Человеческая комедия». В нем повествуется о судьбе семьи бедной вдовы Макало, проживающей в маленьком американском городке Итаке. После ухода в армию старшего сына Маркуса семья Макало вынуждена существовать лишь на жалование маленького Макало — разносчика телеграмм.

Легко догадаться, что вдовы и трюм детям приходится несладко. Сароян, однако, пытается представить жизнь семьи Макало в самом розовом свете.

Семью Макало окружает невиданно добрые, заботливые и, вообще, чудачковатые люди. Заведущий телеграфной конторы, в которой работает Хомер, готов поделиться с нуждающимися всем, что имеет. Такая отзывчивость телеграфного чиновника умиляет экзистенциальную богачку Диану, и она отдает ему сердце. Всюду в городке играет музыка, все без конца поют. Солдаты курят в баре, и добродушный холия откатывается брать с них деньги. Наконец, к многоэтажной вдове регулярно является для утешительной беседы ее покойный муж (подобно другим американским декадентам, Сароян без помощи потусторонних сил не в состоянии должным образом воспеть американские буржуазные устои).

Сароян не ограничивается, впрочем, только подобным кривлянием во славу

М. Рзакули-заде, Джахибаха и Б. Музаева. Перед переводчиками поставлена задача — не только сохранить смысловую точность пушкинских произведений, но и стремиться к достижению высокой художественной формы.

Первый том шеститомного собрания сочинений Пушкина будет выпущен в конце 1949 года, остальные три тома выйдут в 1950 году.

Академия наук Азербайджана готовит несколько научно-исследовательских работ о жизни и творчестве великого поэта и специальное исследование «Пушкин и азербайджанская литература». Союз писателей выпустит к юбилею сборник «Азербайджанские писатели — Пушкину». Комбайнские писатели — Пушкину».

В 1937 году, в связи со столетием со дня смерти Пушкина, уже были изданы на азербайджанском языке его избранные произведения в трех томах. Сейчас Союз писателей и Государственное издательство республики приступили к подготовке издания полного собрания сочинений Пушкина в шести томах — под редакцией С. Вургула, М. Норагимова, Р. Раа, М. Арифа, С. Рустамза, М. Рагима и Э. Мамедханлы.

К юбилею великого поэта выйдут третий и четвертый тома шеститомника. В третий том входят: «Евгений Онегин» в прекрасном переводе С. Вургула, сделанном еще в 1936 году и выдержавшем два издания, «Борис Годунов», «Скупой рыцарь», «Модарт и Сальери», «Каменный гость», «Русалка» и другие произведения в переводах поэтов М. Рагима, Р. Раа, А. Джамаля, П. Рафибейли. В четвертый том включаются: «Дубровский», «Арап Петра Великого», «Повести Белкина», «Кавказская дочка» в переводах Э. Мамедханлы.

Сейчас в наших школах и вузах поговаривают пушкинские вечера и конференции, устраиваются доклады и лекции, организуются чтения произведений поэта. Доклады и беседы о творчестве Пушкина организуются на предприятиях и в колхозах.

Юбилей великого поэта является у нас во всенародный праздник. Эти дни еще раз продемонстрируют нерушимую дружбу наших советских народов, торжество социалистической культуры.

«американизма», общей пропагандой «догматизма» западной культуры. Подлинный смысл его литературной деятельности с особой силой проявляется в проповеди терпимости к фашизму, «любви» к врагам — италофашистам.

В романе «Человеческая комедия» говорится об американских солдатах, погибших в боях. Однако, Сароян многократно подчеркивает, что к противникам американцев во второй мировой войне ни в коем случае не следует относиться враждебно.

Узнав о гибели брата, Хомер спрашивает: «Что мне невидит? И по знаю ничего, это заслуживало бы ненависти... Сейчас я зло, а злиться мне не на кого. Кто мой враг? И он слышит в ответ, что «врага» на самом деле не существует.

Солдат Маркус тоже утверждает, что врага невидит не мало и что в действительности «враг» — это «друг». Не говоря ни слова о подлинных причинах войны, Сароян вместе с тем — и это в высшей степени показательно — заставляет американского солдата заявить, что он все же нестарается стать «самым лучшим солдатом, каким только он может быть». Так, приравняв фашистских сентенциалов, Сароян выполняет свое главное «дело» — он стремится амнистировать фашистов и восхваляет у американцев нехорошо пахнущих, готовых вступить без всякого повода и основания против любого противника.

В своем последнем романе «Приключения Уэсли Джакоба» Сароян еще разозливее говорит о «любви» к людям и, ссылаясь на «любви» как всемогущий похощивший, снова утверждает, что «быть американцем очень хорошо».

Герой книги — американский солдат — явно дегенератив. И Сароян «воспекает» его, пытаясь создать представление, будто тупость, несоборность к делу мышления и есть наиболее благоприятные человеческие качества. Воплоще очевидно, кому служит Сароян, создавая этот «подложный» образ солдата, лишеного элементарной способности разбираться в том, что происходит на свете.

В новой пьесе Сарояна «Джим Денди» бедняк рекомендует отдать себя во власть мажорной, которые-де сильнее познот реальной жизни. Джим Денди, этот бродяга-«утешитель», превращает воду в вино и призывает озлобленного человека, недолюбого против порядков, которые существуют в Америке, примириться с ними. Называясь над американским народом, Сароян вместе с тем совершенно беззастенчиво утверждает, что озлобленные его люди способны являются ничтожествами и живут только для того, чтобы быть «жертвами».

Произведения Сарояна пользуются большими симпатиями буржуазной печати США, ибо, запугивая американский капитал в более замаскированной форме, нежелая многие другие декаденты, активно отравляя сознание, «обожания» читателей, Сароян для запознания их слуховой особенно возмутительным образом маскируется под «гуманиста».

Сароян не свойственна «жестокость» мапера авторов современных американских критических романов, он по нагромождает, как это обычно делают спецнасты со столь модной в США «копировать» литературу, картин человеческих злодеяний. Например, Сароян без конца говорит о человеческой доброте и финансирует свою «любв» к человечеству, к «рядовым людям».

Все это — самый беспереборный обман. Сароян пользуется флагом человеческого долга, чтобы выдать за идеальные люди тех похотливых выродков, которые на страницах его книг с извощивающей уязбой принимают жалкую жизнь, на которую их обрекает капитализм.

Декадентская стражня Сарояна порождена холодным расчетом литературного пошляка, находящегося в услужении у фашизирующей американской буржуазии.

Николай ТИХОНОВ

Великий сын Болгарии

Есть поэты, чья жизнь и творчество кратковременны, но, как молния, освещают покое поле борьбы...

Он не признавал «искусства для искусства», «науки для науки». Он требовал сосредоточения всех усилий духовной деятельности для одной цели — борьбы за освобождение народа от всех его внешних и внутренних угнетателей.

По силе своего неустанного революционного энтузиазма он напоминает венгерского революционного поэта Шандора Петефи, с которым его связывает и сходная судьба — гибель на поле сражения.

Христо БОТЕВ

Он прожил тяжелую жизнь. Были периоды, когда он вкушал хлеб через два дня на третий, ходил чуть не в ломотях и жил в беднейшей лачуге.

Выстрелы на баррикадах Парижской Коммуны были для него предвестниками побед восставшего человечества против капитализма и мировой реакции.

«Верую... в светлый животворящий дух разума, укрепляющий сердца и души людей для успеха и торжества коммунизма через революцию...»

Такой человек не мог только писать о страданиях своей родной земли. Он мог быть наблюдателем со стороны. И он был проповедником и организатором, и лучшим в современной ему Болгарии публицистом, и военачальником.

Его именем звались партизанские отряды в Балканских горах во время борьбы с немцами и болгарским фашизмом. Его имя было на устах болгарских патриотов 9 сентября 1944 года, в день свержения ненавистного антинародного режима.

Революционный характер Христо Ботева сложился под влиянием и воздействием произведений Белинского, Добролюбова, Писарева и Чернышевского.

Стихи и песни Христо Ботева по сей день сохраняли свое значение. Они широко известны в народе, и память о великом поэте-революционере живет и в городе, и в деревне, и в горах, и на берегах Дуная.

Когда читаешь сегодня стихи и песни Ботева, — лирические, задушевные, или полные глубокой иронии и сарказма, сатирические, бичующие, или насыщенные пламенем героического служения народу, — то невольно проходит перед глазами вся его короткая жизнь и места, связанные с нею, печальные картины прошлого, которым на смену пришли сегодня иные картины — новой, демократической Болгарии.

Болгарский народ сегодня может повторить вслед за своим вождем Георгием Димитровым: «Будем служить народу так, как бескорыстно и всецело служил ему Христо Ботева!»

Имя Христо Ботева и для народов Советского Союза является дорогим и славным именем революционера, поэта, борца за грядущий коммунизм.

ПОЭТ-РЕВОЛЮЦИОНЕР

Людмила СТОЯНОВ

Христо Ботева — человек, который жил, страдал и боролся за свободу и счастье своего народа. Он был подлинно народным поэтом и агитатором, чье пламенное слово глубоко проникло в народное сознание, вдохновляло массы на борьбу с угнетателями, раскрывало перед трудящимися Болгарии перспективы истинно демократического развития их страны.

Ботева провел юность в России, где воспринял передовые идеи великих русских революционных демократов — Белинского, Чернышевского, Добролюбова, где у гениальных русских поэтов Пушкина, Лермонтова, Некрасова учился любить народ и ненавидеть гнет.

Среди деятелей тогда только зарождавшегося национально-освободительного движения болгарского народа Ботева занял первое место не только как блестящий публицист и поэт, организатор и руководитель. Он также обладал широкими познаниями в области науки и литературы, был всесторонне знаком не только с русской, но и с западной литературой.

Ботева ждал передовыми идеями своего времени и всю свою деятельность подни-

тил осуществлению главной задачи — освобождению Болгарии от турецкого ига. Патриот в самом высоком смысле этого слова, Ботева был последовательным интернационалистом. Поэтому его поэзия, полная свободолобивых идей и глубокого чувства, близка и понятна людям разных национальностей.

Ботева думал не только о болгарских борцах, когда писал знаменитые строки: Кто в грозной битве пал за свободу, Тот не погибнет: по нем рыдают Земля и небо, зверь и природа, И люди песни о нем слышат...

Реакционная и фашистская критика в Болгарии стремилась извратить образ Ботева. Опасаясь все возрастающего влияния его поэзии на революционное воспитание болгарской молодежи, реакция выпячивала лишь одну сторону биографии Ботева — борьбу против ига турок, но оставила в тени его борьбу с внутренним врагом.

Однако тщетно пыталась реакция фальсифицировать образ великого революционера. Для многих поколений болгарской молодежи Христо Ботева продолжал оставаться любимым поэтом и учителем. Его стихи неизменно будили чувство протеста против политического бесправия, звали к борьбе с вредными влияниями и предрассудками, помогали людям стать на путь истинный.

Атеист, демократ, революционер, интер-

националист, Ботева создал свой «Символ веры болгарской коммуны».

Значение Ботева для болгарской и всей мировой литературы исключительно велико прежде всего потому, что он первый в Болгарии глубоко усвоил идеи русских революционных демократов о том, что литература должна служить интересам народа и укреплять его веру в светлое будущее. Он осуждал проповедников чистого искусства. «Необходимо, чтобы наука и литература, поэзия и журналистика, словом, вся духовная деятельность руководителей народа приобрела характер политической пропаганды, т. е. сообразовалась с жизнью, стремлениями и потребностями народа — так, чтобы не было науки для науки, искусства для искусства...» — писал Ботева в 1875 году.

Ботева и его поэзия — это единое целое. Они оплетают борьбу народов за свободу и правду, устремленность к будущему, желание служить человечеству.

Ботева и его поэзия бичуют павлиньи когти — патриарха, царя и панаев, лжепатриотов, либеральных болтунов, всех врагов истинно демократического развития народов.

В мрачный период фашистской диктатуры в Болгарии имя Ботева звучало, как лозунг, воодушевляющий народ к борьбе против внутренних и внешних врагов. Партизанский отряд имени Христо Ботева показал чудеса храбрости, как бы подтверждая знаменитые строки поэта:

Кто в грозной битве пал за свободу, Тот не погибнет...

Поэзия Ботева звучит и сегодня во весь голос, потому что она отражает силу и богатство народного таланта.

Михаил ГОЛОДНЫЙ

Во имя жизни

Сто лет прошло со дня рождения пламенного трибуна, неукротимого борца-революционера, поэта Христо Ботева.

Страстное, обжигающее слово веры в правоту народного дела вызвало к жизни его стихи, полные беспощадного сарказма и ненависти к поработителям родной Болгарии и вожной любви к отчизне, к старшему брату славянства — России, в великом русском народе.

Для творческого облика Ботева характерны его сатирические стихи «Отчего я не поэт?»

Отчего я не поэт, Как Пишурка этот жалкий? Эх, прославя бы и я Бабушку мою за прялкой!

Отчего я не поэт Сапунов? Благоговея, Сочинял бы песни в честь Лешадей архирея!

Не Великий я зачем? Драмой, сюжетом с балаганом, Я б воспел мышей и жаб В их бою с царем Раданом!

(Перевел А. Гатов)

Здесь credo поэта неотделимо от credo революционера, слово неотделимо от дела, которому он посвятил свою жизнь и свое творчество. В первом номере газеты «Слово болгарских эмигрантов», которую он редактировал, Христо Ботева разоблачал истинных врагов угнетенной, страдающей Болгарии. «...Болгария питает ненависть не только к турку, но такую же, — а может быть, даже более глубокую, потому что более древнюю, — к чорбаджиам и духовенству, этому непотребному азиатскому трупу, прелазящему и разоряющему народ, а теперь носящему на шею ключи от его оков».

Все стихи Ботева подчинены одной всепоглощающей идее — идее борьбы за освобождение родного народа от национального и социального гнета. Вся его скандальная жизнь подчинена долгу, непреклонной воле к борьбе.

Из преследования властей, из тюрьмы не могли сломить его духа, заставить отступить от борьбы, которую он считал движимой силой прогресса. Он верил в силу человеческого разума, в беспредельность его развития. «То, что вчера было непоколебимой истиной, необходимым условием, сегодня стало вредным предрассудком; то, что вчера считалось утончей, сегодня — исторический факт...»

Искусство, оторванное от жизни, было чуждо и враждебно Ботеву. По его глубокому убеждению, все должно быть подчинено интересам народа, «так, чтобы не было науки для науки, искусства для искусства». Мысли Ботева об искусстве, идеях, воплощенные в его поэзии, насколько не утратили своей актуальности и сегодня.

«Как живой с живыми говоря», — обращается Ботева к своим потомкам, его голос сливается с жизнью и поэзией наших дней. Его голос во весь мощь звучит в новой демократической Болгарии, свободу которой он предвещал, за свободу которой погиб.

Его голос звучит и в стране Советов, на родине Ленина и Сталина, в стране, идущей к коммунизму, где сегодня советские люди с любовью произносят имя великого поэта братского народа Болгарии.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ

Акад. Н. ДЕРЖАВИН

Поэт-революционер Христо Ботева занимает крупное место в истории болгарского национально-освободительного движения, отмеченного рядом народных вооруженных восстаний в апреле — мае 1876 года. Он был активным деятелем Центрального болгарского революционного комитета в Бухаресте. Он возглавлял партизанский отряд, организованный им из болгарской эмигрантской молодежи на территории Румынии и перебросивший затем на болгарскую территорию для участия в апрельском восстании. Под водительством Ботева крестьянская революция 70-х годов в Болгарии поднялась до апогея и завершилась величайшим, потрясающим реваншем героической смерти своего вождя и гибелью почти всего его партизанского отряда.

Время до сих пор не заглушило звуков этого реванша. И вряд ли они когда-либо заглохнут в сознании болгарского народа, потому что в бессмертном подвиге Христо Ботева, самоотверженно отдавшего свою молодую жизнь за свободу родины и раскрепощение родного народа, и в его поэзии заключена мощная, вдохновляющая сила, непреодолимо влекущая к себе все чистые сердца.

В истории болгарского народа Христо Ботева это — заключительный аккорд пятидесятилетней борьбы за культурно-нацио-

нальное самоопределение и национально-политическое раскрепощение.

Вот почему дорого для всего передового человечества имя Христо Ботева, крупнейшего из болгарских революционеров, замечательного поэта и публициста XIX века, одно из наиболее популярных имен не только среди широких кругов болгарского народа, но и среди всего славянского народа.

Вот почему память о нем в болгарском народе не только не ослабевает, но с каждым годом крепнет все больше и больше, и в дни торжества Болгарии Отечества Христо Ботева стоит во весь свой рост перед лицом его сынов, как мощный призыв к решительной борьбе против врагов мира и всего прогрессивного человечества, борьбе в общих рядах передовых демократических народов мира.

Для нас, русских, болгарский поэт-революционер Ботева дорог, в частности, тем, что получил свое литературно-художественное и политическое воспитание в России, в среде передовой демократической русской общественности 60-х годов. Он был воспитанником русской художест-

венной литературы, революционно-демократической мысли русского народа и никогда не порывал затем связи с Россией.

С другой стороны, Христо Ботева близок и дорог нам тем, что принадлежал к той же славной плеяде писателей и общественных деятелей Болгарии, в которую входили Василий Евстафиевич Априлов, Георгиев Стойков Раковский, Любен Каравелов, братья Младзинови, Петко Славейков, Василий Друмев, Иван Вазов, Димитрий Благоев, Алеко Константинов и множество других благороднейших сынов болгарского народа, явившихся создателями современной культуры Болгарии.

И не случайно Г. Димитров характеризует Христо Ботева, как последовательного демократа-республиканца, как убежденного, непримиримого врага политического и духовного мракобесия и зловредного шовинизма, как страстного поборника вечной дружбы болгар с великим русским народом.

Весь славянский мир в все культурное человечество чтят память поэта-революционера Христо Ботева, который поднимал знамя освободительной борьбы болгарского народа и самоотверженным служением делу народной свободы помог окончательному освобождению родной страны от чужеземного угнетения.

Христо БОТЕВ

БРАТУ

По чувствам мы братья с тобою И мыслям едино и дружно. И нет ничего в этом мире, В чем казаться было б нам нужно.

Добро или зло мы творили, — Потомство об этом рассудит. Вперед, рука об руку, твердо! Дорога тяжелою будет.

Известа немало мучений, Ниуду испытав на чужбине. И дальние страдания разделяем, Как братски делили донны.

Разделим людские укоры, Намешки глумцов площадные, Все вытерим и, не вздыхая, Пройдем через муки любви.

Голов пред страстями не склоним, Ни пред всеобщим кумиром. А сердце все мы излили В печальные наши две лиры.

Вперед же! Последние мысли И чувства разделяем по чести. Исполним заветное слово! Брат, выйдем и, на смерть мы вместе. Перевел А. ГАТОВ

А. СОБКОВИЧ

Знаменосец свободы

Среди живописных гор раскинулся небольшой городок Враца. Неподдалеку от него 2 июня 1876 года пал героической смертью великий болгарский революционер, поэт и публицист Христо Ботева.

Ежегодно в день гибели Ботева во Враце сменяются все всех уголков Болгарии тысячи юношей и девушек. К подножью памятника, воздвигнутого на городской площади, они приносят венки из живых цветов. Они поют песни Ботева, торжественно клятву свято хранить заветы легендарного героя, чья жизнь была примером беззаветного служения родине.

Христо Ботева, сын известного в свое время болгарского просветителя Ботю Петкова, родился 7 января 1849 года (25 декабря 1848 года по старому стилю) в Каллофере. В те годы Каллофер был одним из очагов восстаний против турецкой тирании, против предателей болгарского народа — кулаков-чорбаджи. В горах и в окрестностях Каллофера скрывались народные мстители — хайдуки. Об их подвигах маленький Христо слышал множество рассказов, песен и легенд, которые крепко запали в его душу.

Первоначальное образование Христо Ботева получал в родном городе, в школе своего отца. Затем Ботю Петкову удалось послать сына для дальнейшего образования в Русею. В ноябре 1863 года Ботева прибыла в Одессу и поступила в реальное училище. Пребывание в Одессе оказало огромное влияние на формирование мировоззрения Ботева. События общественной жизни России того времени — революционная пропаганда Чернышевского и Герцена, крестьянские бунты, польское восстание, студенческие «беспризорники», выстрел Каракозова и Александра II — глубоко воцарились в сознании молодого юноши.

Ботева с увлечением читал сочинения

Герцена, Чернышевского, он с головой ушел в живую науку передовых русских писателей, все меньше и меньше интересовался мертвой схоластикой предметов, которые преподавались в училище. Все это привело к тому, что в конце 1865 года он был исключен из пятого класса с обычной формулировкой «за неуспеваемость».

С этого момента для Ботева начинается пора скитаний и бедствий. Лишившись стипендии и оставшись без средств к существованию, он стал давать уроки в одной польской семье, высланной в Одессу в связи с польским восстанием. Одновременно Ботева продолжал изучать лучшее произведение русской литературы. Книга Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Пушкина, Лермонтова, Тоголя, Тургенева, Некрасова, но свидетелем одного современного, «не вынуждая из рук».

Осенью 1866 года Ботева поселился в Бессарабии, в селе Задуняеве. Он вел скромный, суровый образ жизни. Мысль об освобождении болгарского народа, находившегося вот уже пятый век под игом турок, ни на минуту не оставляла молодого революционера. Следующей весной он возвратился в родной Каллофер. Он смело пропонул идею свободоловности идеи, призывая к молодежи к вооруженному восстанию 11 мая 1867 года, в день памяти Кирилла и Мефодия, Ботева проявил перед собравшимися жителями Каллофера страстную речь, которая привела в ужас обывателей и чорбаджию и явилась предметом продолжительного обсуждения среди молодежи.

Стихотворение этого периода — «К брату» — дышит презрением к мешанине, к самозваным обывателям, к слухам которых не доходят «плач народных».

В связи с ожесточением революционной деятельности среди болгар, находившихся в эмиграции, Ботева уезжает в Румынию, о

его настроениях можно судить по следующим словам: «Пастушка весна 1868 года, — писал Ботева, — и у тысячи богатырей встала кровь, тысячи были готовы пойти на смерть за свободу, в две недели поднять весь народ к оружию...»

В июне этого же года Дунай пересекли четыре бесстрашных воюющих Хаджи Димитра и Стефана Караджи. Готовился к переправе и отряд знаменитого хайдука «Янко» Желязу, в который вступил Христо Ботева. Памятку предпологавшейся переправы Ботева пишет прекрасное стихотворение «Прощание». Поэт нежно прощается с матерью и любимой:

Не плачь, мать, не кручиняйся, что сделался я хайдуком... Быть может, погибну я в битве, но хвать и той награды, что скажет народ когда-то: он умер, бедняга, за правду, за правду и за свободу!

Однако из-за недостатка вооружения отряд Желязу не перешел через Дунай. Революционный энтузиазм, которым были охвачены болгарские патриоты, находившиеся в Румынии, скопился отсутствием средств. Действительно на территории Болгарии отряды выбивались из сил; чета прославленного Хаджи Димитра была разгромлена.

В 1869 году в среде эмигрантов начался новый революционный подъем. Под руководством Любена Каравелова был создан Центральный болгарский революционный комитет. В его задачу входила организация по всей Болгарии сети местных комитетов, которые должны были сыграть важную роль во всеародном восстании.

Ботева терпел сильнейшую материальную нужду. Однако он мало думал о себе. Его не покидали мысли о том, что

...тиран еще сиверей Наш родимый край терзает, Режет, сокывает цепью, В казематах убивает.

Ботева редактирует революционные эмигрантские газеты, печатает в них страстные пропагандистские статьи. Любому Чернышевскому, к которому везущему Русь, Ботева призывает сочувственников взять в руки нож: «Только нож может разрешить восточный вопрос и привести эту прекрасную плодородную страну к счастью и благоденствию».

Ботева восторженно приветствует Парижскую Коммуну. В Галапе он создает кружок коммунистически настроенных болгарских эмигрантов и пишет «Символ веры болгарской коммуны», являющийся программой кружка. Вот его содержание: «Верую в единую общую силу рода человеческого на земном шаре — творить добро. И в единый коммунистический общественный порядок — славящее все народы от некоего гнета и страдания через братский труд, свободу и равенство...»

И в единое и неделимое отечество всех людей и общее владение всем имуществом. Исповедую единый светлый коммунизм — исцелитель всех недугов общества.

Чаю пробуждения народов и будущего коммунистического строя во всем мире. Единственный выход из того страшного положения, в котором находится наш народ, — писал Ботева, — это революция народная, немедленная, отчаянная — революция, которая очистила бы Балканский полуостров не только от турок, считая нас скотами, но и от всего, что мешает верить нашим полными стремлениями к познанию свободы».

В 1875 году болгарские эмигранты приступили к практической подготовке восстания в Болгарии. Страна была разде-

на на три революционных округа с центрами в Тырново, Ловеч и Старая Загора. В эти места выехали представители Центрального болгарского революционного комитета. Днем общего восстания было назначено 16 сентября.

Казалось, все готово, — однако восстание не произошло из-за недостаточной согласованности действий. Выступление было подготовлено турками. Иоржанине старозагорские не смогли революционного духа патриотов. Была назначена новая дата восстания — 11 мая 1876 года. Узнав, что восстание не удастся, Ботева в септисном порыве организовал чету под своим командованием. 16 мая двести хэрою вооруженных знаков, возглавляемые коммунистически настроенными болгарскими эмигрантами и пишет «Символ веры болгарской коммуны», являющийся программой кружка. Вот его содержание: «Верую в единую общую силу рода человеческого на земном шаре — творить добро. И в единый коммунистический общественный порядок — славящее все народы от некоего гнета и страдания через братский труд, свободу и равенство...»

Ботева и его товарищи не подозревали, что восстание уже было потушено в крови. По безрассудству, с большим трудом отряд Ботева пробился в глубь Старой Пазничи, теряя силы в жестоких неравных боях. Пол в вечер 20 мая Христо Ботева в расцвете сил и своего мощного дарования пал, пронзенный пулей врага.

Поэтическое наследие Ботева составляет всего около двадцати стихотворений. Однако их идейное и художественное богатство исключительно велико.

Лирика Ботева — это гневный протест против социальной несправедливости, горный призыв к борьбе. В стихотворении «Моей вожней любви» поэт присит свою малую за быт двобную песню и слыть о том,

Как молодость гибнет и сила, как сирые вдовы рыдают и бездомные дети страдают.

Обращаясь к другу Любена Каравелову, с которым он делил на чужбине страдания и бедность, поэт зовет его: Вперед же! Последние мысли И чувства разделяем по чести. Исполним заветное слово! Брат, выйдем и на смерть мы вместе.

Панболое продуктивных у Ботева был 1873 год, когда он создал такие выдающиеся произведения, как «В котле», «Хаджи Лимитр», «Моя молитва», социально-политический памфлет «Юрьев день» и другие.

Печные строки стихотворения «В котле» направлены против лжепатриотов и лжегероиков: От вина, от буйных песен Скалим зубы на титана. И кабак уже нам тесен: «На Балканы! На Балканы!» Но, как только прогрозимся, Забываем клич похода, Реши, клятва — и немеем Перед жертвами народа.

Особое место в творчестве Ботева занимает исключительно глубокое по содержанию и прекрасное по форме стихотворение «Хаджи Лимитр». Образ погибшего за свободу юнака является как бы символом трагической судьбы самого поэта.

Весь славянский мир и все культурное человечество чувствуют в эти дни память поэта-революционера, поднявшего знамя борьбы за свободу своего народа. «В нынешней борьбе за демократию, за народную республику...» — говорит Г. Димитров, — Христо Ботева — это знамя, которое все выше и выше будет развеваться над новой, демократической Болгарией».

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМИН.